

Тарасова Елена Гельевна

ГЕНЕТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

В статье исследуется генетическое направление в изучении политической социализации. В связи с этим указываются причины обращения политологов к биологии и наследственности как главным объяснительным факторам политического поведения, рассматриваются основные идеи, объединяющие сторонников генетического направления, приводятся некоторые общие результаты их исследований, а также отмечаются недостатки работ, выполненных в русле данной перспективы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-2/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. II. С. 178-183. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

и возрождения религиозной жизни был массовым и стихийным. Однако немцы попытались направить данный процесс в русло решения собственных задач и собственных интересов, в связи с чем церковная верхушка была ими скомпрометирована и в дальнейшем понесла наказание.

Список литературы

1. **Архив Управления Федеральной службы России по Ростовской области.**
2. Булавин М. В. К вопросу о влиянии Великой Отечественной войны на динамику религиозности православного населения // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 4 (12). С. 74-79.
3. **Власть и Церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939-1958 (дискуссионные аспекты)** [Электронный ресурс]. URL: <http://rusoir.ru/03print/03print-02/> (дата обращения: 16.06.2015).
4. **Голос Ростова.** 1942. 9 августа.
5. **Голос Ростова.** 1942. 23 августа.
6. **Голос Ростова.** 1942. 27 августа.
7. **Голос Ростова.** 1942. 29 августа.
8. **Голос Ростова.** 1942. 16 сентября.
9. **Голос Ростова.** 1942. 26 сентября.
10. **Голос Ростова.** 1942. 22 октября.
11. **Голос Ростова.** 1942. 4 ноября.
12. **Голос Ростова.** 1943. 9 января.
13. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. 6991. Оп. 1.
14. **Государственный архив Ростовской области (ГАРО).** Ф. Р-4173. Оп. 4.
15. **ГАРО.** Ф. Р-4173. Оп. 5.
16. **ГАРО.** Ф. Р-4173. Оп. 6.
17. **Киричек М. С.** Святые купола Таганрога. История храмов, утраченных и существующих. Таганрог, 2008. 170 с.
18. **Королева В. В.** Таганрогский период служения митрополита Иосифа (Чернова) // XXI ежегодная богословская конференция ПСТГУ: мат-лы конф. / Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. М., 2011. № 21. С. 422-426.
19. **Линец С. И.** Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.): дисс. ... д.и.н. Пятигорск, 2003. 657 с.
20. **Новое слово.** 1942. 5 апреля.
21. **Новое слово.** 1942. 1 сентября.
22. **Новое слово.** 1943. 25 апреля.
23. **Новое слово.** 1943. 1 мая.
24. **Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов:** сборник документов / сост. М. В. Шкаровский. М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего Подворья, 2003. 366 с.
25. **Поспеловский Д. В.** Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
26. **Смирнов С.** Ростов под тенью свастики. Ростов н/Д, 2006. 192 с.
27. **Табунщикова Л. В.** Донские антисоветские казачьи структуры и Германия в 1918 и 1941-1945 гг.: дисс. ... к.и.н. Ростов н/Д, 2003. 177 с.
28. **Табунщикова Л. В.** Количественный анализ открытия православных храмов и молитвенных домов на оккупированной территории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60). Ч. 1. С. 172-175.
29. **Церковный вестник.** 1999. № 7 (76).
30. **Шадрина А. В.** Храмы Донской и Новочеркасской епархии конца XVII века – 1920 г.: справочник / отв. ред. А. В. Венков. Ростов н/Д: Антей, 2014. 440 с.
31. **Шишкин Е. Н.** Русская Православная Церковь на оккупированных территориях Кавказа в августе 1942 – феврале 1943 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 6 (61). С. 113-126.
32. **Шкаровский М. В.** Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече; Лепта, 2010. 480 с.
33. **Якунин В. Н.** Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны // Московский журнал. История государства Российского. 1995. № 1. С. 24-26.
34. **Якунин В. Н.** Русская Православная Церковь на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Самара, 2001. 242 с.

PECULIARITIES OF CHURCH LIFE WITHIN THE TERRITORY OF ROSTOV REGION DURING GERMAN OCCUPATION IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Tabunshchikova Lyudmila Viktorovna, Ph. D. in History
Southern Federal University
puma19776@mail.ru

In the article on the basis of a wide range of archival sources with the involvement of the collaborationist press the problem of religious revival within the occupied territory of Rostov region during the Great Patriotic War (1941-1945) is examined. Two centres of the religious life of the region during the occupation are revealed – the towns of Rostov and Taganrog. The relations of bishops Joseph (Chernov) and Nicholas (Amassiyky) with the Germans and their activity on reviving religious life in the region are analyzed. It is found out that for propaganda purposes the German authorities took an active part in the restoration and functioning of the Don churches. The question is brought up about the religiosity of the population during the occupation period.

Key words and phrases: Russian Orthodox Church; opening of churches during occupation; The Great Patriotic War; occupation; Rostov region; archbishop Nicholas (Amassiyky); bishop Joseph (Chernov).

УДК 303.01

Политология

В статье исследуется генетическое направление в изучении политической социализации. В связи с этим указываются причины обращения политологов к биологии и наследственности как главным объяснительным факторам политического поведения, рассматриваются основные идеи, объединяющие сторонников генетического направления, приводятся некоторые общие результаты их исследований, а также отмечаются недостатки работ, выполненных в русле данной перспективы.

Ключевые слова и фразы: политическая социализация; биополитика; генетика поведения; политические установки; политическое поведение; идеологические представления.

Тарасова Елена Гельевна

*Российский государственный аграрный университет имени К. А. Тимирязева
irina.mirosh@gmail.com*

ГЕНЕТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ[©]

Политическая социализация является одной из важнейших проблемных областей современной политологии. По мнению исследователей, на сегодняшний день особенно актуальной становится разработка ее теоретико-методологических вопросов. Очевидно, что дальнейшее развитие теоретических представлений о данном процессе не может быть успешным без тщательного анализа и критического осмысления уже имеющихся концептуальных моделей, идей и перспектив. Рассмотрению одного из ведущих направлений в исследовании политической социализации будет посвящена настоящая статья.

В 1980-1990-е годы в изучении политической социализации становится популярным биополитическое направление. Появление первых работ, выполненных в данном ключе, относится к 1960-м гг., а период 2000-х гг. отмечен попытками применить положения биополитики к объяснению таких аспектов данного процесса как формирование политических установок, партийной идентификации, политического участия, идеологических представлений.

Главной причиной роста популярности биополитики можно считать недостаточность имеющейся на тот момент в политической науке теории и методологии для объяснения механизмов и динамики поведения людей. Сторонники биополитики стремились выявить все возможные факторы, формирующие поведение, предполагая, что более тесные связи с биологией помогут построить корпус соответствующих теорий среднего уровня.

Популярность биополитики объяснялась также причинами чисто практического свойства. Например, высказывались мнения о том, что биополитические исследования (в частности те, которые использовали наработки психофармакологии) окажут содействие в решении проблемы управления сознанием и поведением людей [8, p. 563].

Исследователи, работавшие в русле биополитического направления, критиковали представителей социальных наук за рассмотрение политических установок, верований и поведения как психических феноменов, являющихся результатом научения (социализации), и предлагали уйти от «социального детерминизма».

Сторонников традиционных взглядов на процесс политической социализации обвиняли в неспособности объяснить ее закономерности, основываясь только на изучении среды. Особо отмечались несостоятельность следования принципу первенства и отсутствия в политической науке (несмотря на возрастающее внимание к психологии) исследований личности.

Представители этого направления полагали, что именно биополитическая теория может преодолеть недостатки социологического детерминизма, сосредоточив основное внимание на анализе биологических факторов политического поведения.

Биополитическое направление в исследовании политической социализации не является однородным. Разделение, с одной стороны, проводится по линии изучаемого аспекта политической социализации а, с другой стороны, в зависимости от того, какие конкретно биологические факторы становятся предметом анализа и в русле какой из имеющихся биополитических теорий.

Имея в виду указанные два критерия, в рамках этого направления в изучении проблем политической социализации можно выделить несколько групп работ. Самой многочисленной и известной из них на сегодняшний день можно считать группу генетических исследований.

Важной причиной, побудившей ученых к поиску генетического базиса политических установок и поведения, была их значительная стабильность. Они предполагали, что наследуемые установки существенно отличаются от усвоенных (выученных) тем, что они проявляются быстрее, более устойчивы к изменениям и менее подвержены манипулированию извне. Поэтому ребенок в конечном итоге вне зависимости от влияния среды и от контроля над ней усвоит те или иные установки от родителей на генетическом уровне.

Гены с точки зрения исследователей помогли бы объяснить и тот факт, что люди обладают разной степенью восприимчивости к тем или иным политическим проблемам. С помощью генетики надеялись также раскрыть механизмы функционирования государства, обнаружить истоки идеологических различий [1, p. 164].

Научной дисциплиной, на данные которой опирались сторонники этого направления, являлась бихевиоральная генетика или генетика поведения (поведенческая генетика). Она, как считалось, обнаружила серьезные наследственные компоненты многих социальных установок и моделей поведения, что дает основание предполагать наличие такого же влияния на политические установки и модели поведения.

В 2005 г. Дж. Алфордом, К. Фанком и Дж. Хиббингом было осуществлено первое эмпирическое тестирование положения о возможном генетическом базисе политического поведения. Его результаты представлены в статье «Передаются ли политические ориентации генетически?», которая дала толчок соответствующим исследованиям в сфере политической социализации [1].

Дж. Алфорд, К. Фанк и Дж. Хиббинг выдвинули предположение (и как они считали, эмпирически подтвердили) о существовании «глубинных источников», то есть генетических компонентов идеологических представлений.

Их работа сразу же получила широкую известность и, как отмечал редактор журнала «American Political Science Review», «установила новый стандарт для политической науки с точки зрения внимания СМИ и публичной дискуссии» [2, р. 300].

Статья действительно вызвала бурную реакцию популярной прессы, но спустя короткое время была подвергнута критике некоторыми учеными за необоснованность содержащихся в ней выводов, что, однако, не мешало ей стать ориентиром для политологов, которые продолжили поиски в этом направлении.

Во второй половине 2000-х гг. был опубликован ряд работ, авторы которых попытались обнаружить генетический базис партийной идентификации, политического участия, социального доверия в США, Великобритании, Австралии. Все эти работы были выполнены практически по одной схеме и получили похожие итоги. Они подтвердили результаты, полученные авторами нашедшей статьи, и показали, что 40-60% (или в среднем около 50%) различий в политических установках и поведении могут быть приписаны влиянию генов.

Так, Джеймс Фаулер, Лаура Бейкер и Кристофер Даус в статье «Генетические вариации в политическом участии» [3], протестировав соответствующие гипотезы, пришли к выводу о том, что значительная часть различий в политическом участии может быть объяснена влиянием генетических факторов.

Дж. Фаулер и К. Даус в работе «Два гена предсказывают участие в голосовании» [4] попытались ответить на вопрос о том, какие именно гены ответственны за политическое поведение и участие. К ним они отнесли гены MAOA и 5HTT, которые уже более 20 лет фигурируют в исследованиях социального поведения.

Предполагаемый механизм влияния указанных генов на социальное поведение и социальное взаимодействие связывался с их критическим значением для метаболизма серотонина в отделах мозга.

Опираясь на исследования, показавшие важность религиозной групповой активности, и других видов социальных контактов для участия в политике, Фаулер и Даус также предположили, что связь между генами и голосованием является не прямой, а опосредована социальной активностью. При этом деятельность в религиозных группах рассматривалась ими как наиболее сильный фактор, предсказывающий участие в голосовании.

П. Хатеми со своими коллегами [6] попытался не только решить вопрос о природе и сущности трансмиссии политических ориентаций и установок, показав, что последние испытывают влияние эндогенных (генетических) факторов, но и описать модель ее изменения на протяжении жизненного цикла, определить возраст, в котором генетические влияния становятся очевидными.

П. Хатеми, Дж. Алфорд и Дж. Хиббинг применили положения поведенческой генетики и к анализу проблемы партийной идентификации в статье «Есть ли партия в ваших генах?» [5].

В своей работе путем использования многомерной модели, контролирующей генетические влияния, они эмпирически верифицировали и предоставили подтверждение принятого в литературе по политической социализации положения о том, что в основе формирования партийной идентификации лежит социальная трансмиссия, установив, что направление партийной идентификации полностью определяется социализацией в семье без участия генетических факторов.

Они признали, что партийная идентификация – исключительно культурное явление, представляет собой разновидность групповой идентификации, формируется в процессе социализации, связана с социальной идентичностью, которая выходит за рамки политических предпочтений.

Полученные ими данные показали в то же время, что интенсивность партийной приверженности индивида и различия в этой интенсивности являются результатом примерно равного влияния генов и уникального средового опыта. То есть вне зависимости от воспитания и партийной приверженности родителей люди имеют биологическую склонность быть либо энергичными, либо апатичными, которая и оказывает влияние на интенсивность партийной поддержки.

П. Стерджис, С. Рид и П. Хатеми со своими коллегами [9] распространили генетическую перспективу на исследование социального доверия, предположив, что его истоки лежат как во влиянии генов, так и среды.

В результате своего исследования они пришли к ожидаемому выводу, что: 1) большинство индивидуальных различий в доверии имеют существенный генетический компонент; 2) средовые факторы важны, но их влияние ограничено уникальной средой, а общая для близнецов среда (включая семью) не вносит вклад в различия установок.

В целом сторонники генетических исследований политической социализации опирались на ряд общих для всех них положений.

Во-первых, не отрицая наличия сходства в политических установках между родителями и детьми, они не рассматривали его как результат процесса социализации. Утверждалось, что семья и первичная среда

в целом не играют важной роли в формировании политических установок, имеют незначительное или совсем не имеют никакого влияния на степень соответствия установок родителей и установок их детей. А корреляции между взглядами родителей и детей имеют генетические истоки.

Возможные несоответствия между политическими установками детей и их родителей объяснялись сторонниками поведенческой генетики случайным отбором генов от ДНК каждого из родителей и мутациями генов. Эти «несоответствия» рассматривались ими в качестве главной объяснительной причины протеста некоторых детей против взглядов своих родителей, однако, в отношении большинства детей возможность такого протеста вообще отрицалась.

Во-вторых, гены рассматривались как институты человеческого тела, которые оказывают влияние на индивидуальное поведение так же, как социальные институты накладывают ограничения на поведение групп людей.

Принципиальным моментом для сторонников генетического направления являлось представление о том, что гены фиксируются в момент зачатия, остаются неизменными и в силу этого могут рассматриваться как чистые измерители биологической наследственности, практически не подверженные влиянию среды.

Предполагалось, что обуславливающее влияние генетики на сложное социальное поведение является продуктом не одного гена, а целой их группы, а также что один и тот же набор многочисленных генов может по-разному влиять на поведение в зависимости от того, как они проявляют себя и каким способом взаимодействуют с другими генами.

Говоря о предполагаемом механизме функционирования генов как детерминантов сложного социального поведения индивида, сторонники генетических исследований указывали на то, что гены повышают вероятность проявления тех или иных паттернов реагирования на определенные сигналы среды.

Некоторые сторонники генетических исследований объясняли этот механизм при помощи описания участия последних в протекании биохимических процессов в организме человека, определяющих его психическое и физическое состояния.

Кто-то придерживался так называемой медиационной модели, то есть считал, что гены только косвенно влияют на ту или иную характеристику индивида через какие-то другие черты, которые являются генетическими. То есть политические установки восходят к центральным чертам личности, которая является наследственно запрограммированной. В этом случае личностные черты функционируют как регуляторные механизмы, контролирующие проявление фенотипа.

Представители генетического направления утверждали также, что люди могут действовать и вопреки генетическим предрасположенностям, о чем, по их мнению, свидетельствовали, например, различные корреляции социальных и политических установок среди людей с более или менее сходным генотипом.

В целом, сторонники данного направления не принимали идею тотального генетического детерминизма и выдвигали положение о «генно-средовой интеракции», то есть взаимодействии генов и среды в процессе формирования человеческих черт (как физиологических, так и поведенческих). Во взаимодействии генов и культуры они видели ключ к пониманию источников политических установок и поведения.

Таким образом, сторонники генетических исследований придерживались точки зрения, что любое сложное поведение состоит из многочисленных факторов, и проблема – вовсе не в выборе между «природой» и «воспитанием», а в поиске ответа на вопрос о том, в какой степени первое взаимодействует со вторым.

При этом они указывали на то, что при рассмотрении вопроса о генно-средовом взаимодействии необходимо учитывать следующие моменты. Несмотря на относительную стабильность генов, их проявление и влияние на поведение (или установки) индивида могут меняться на разных этапах жизненного цикла. Динамический характер жизни и развития человека заставляют принимать во внимание также и изменчивость среды. Поэтому генетические различия, выраженные при рождении, могут нивелироваться кумулятивным эффектом постнатальной (первичной) среды или, напротив, увеличиваться со временем как результат длительного (или постоянного) средового подкрепления.

Важной особенностью и общей чертой группы генетических исследований политической социализации выступала применяемая ими методология эмпирического анализа – использование ими близнецового метода, разработанного в поведенческой генетике.

«Классические исследования близнецов» (CTD – Classical Twin Design) или близнецовый метод рассматривается в качестве «начального метода» идентификации генетических влияний на социальное поведение. Единичей анализа здесь выступают пары близнецов, а общая суть этого метода заключается в сравнении дифференциальных корреляций установок однояйцевых и двуяйцевых близнецов. Вывод о наличии генетических или средовых влияний делается на основе сравнения расхождения/сходства в отношении конкретной черты (фенотипа) между индивидами внутри пары однояйцевых (идентичных) и двуяйцевых близнецов (двойняшек).

Важным условием способности данного метода адекватно оценить влияние генов и среды на ту или иную черту является строгое соблюдение положения о равной или сопоставимой среде (положение ЕЕА), суть которого состоит в том, что влияние генетики является различным для однояйцевых и двуяйцевых близнецов, а влияние среды, напротив, является одинаковым.

Серьезное нарушение этого принципа означало бы переоценку влияния наследственности на вариации в чертах и недооценку средовых факторов.

Анализируя генетическую перспективу в исследовании политической социализации с теоретико-методологической точки зрения, следует указать на ряд существенных недостатков, присущих работам представителей данного направления.

Стоит сразу сказать, что все изъяны этого направления стали очевидны уже в «пионерской» работе Алфорда, Фанка и Хиббинга, подробному разбору которой посвятил свою статью Э. Чарни [2].

Он отметил, что выводы указанных трех авторов, потребуют не только пересмотра понимания всей истории человечества, знаний политической науки, социологии, антропологии и психологии, но всего понимания природы и сущности человека [Ibidem, p. 300].

Главным объектом критики выступала общая методология генетических исследований. Прежде всего, под вопрос ставилось ошибочное представление о самой возможности разделения и точного вычисления статистическими методами влияния генов и среды при изучении происхождения сложных социальных характеристик человека.

Неверным и упрощенным считалось противопоставление генов и среды, а также установление простого и непосредственного соответствия между генотипическими и фенотипическими характеристиками индивида, поскольку в реальности следовало бы говорить о постоянном и сложном взаимодействии между ними.

Кроме того, указывалось также на наличие эмпирических доказательств несоблюдения строгости фундаментального для исследования близнецов положения о равной среде. Об этом свидетельствовали как соответствующие работы критиков генетического направления, так и существенные методологические изъяны публикаций самих сторонников генетических исследований.

Критике подвергалось и упрощенное понимание наследственности как фиксированной и неизменной. В то время как эксперименты биологов, напротив, демонстрировали, что наследственность в чертах может изменяться с изменениями среды.

К уже указанным замечаниям можно добавить и слабо аргументированное обоснование необходимости обращения к наследственности как объяснительной причине различий в политических установках, представлениях и поведении. Недостатки предыдущих исследований в данном случае не могут являться достаточным для этого основанием.

В связи с этим стоит указать на зыбкость теоретической почвы генетических исследований. О чем красноречиво свидетельствует, в частности, тот факт, что при анализе влияния генов на различия в чертах и поведении по существу не проводится никакого разграничения между индивидуальными (т.е. генотипическими) и личностными (фенотипическими) характеристиками, а биологическое, психологическое и социальное рассматриваются как явления одного порядка.

Отсутствие внятной теории не позволяло сторонникам генетического направления ни аналитически обосновать, ни эмпирически протестировать потенциальные «причинные пути» предполагаемого генетического влияния, то есть выявить механизм связи между сложными социальными установками и генами. Единственное, что им оставалось в этом случае это просто констатировать возможность наличия подобной связи.

Не менее сильные возражения вызывали и исторические воззрения представителей политологической версии поведенческой генетики.

В первую очередь это касается выдвинутой Алфордом, Фанком и Хиббингом идеи о существовании транс-культурного и транс-исторического «либерального» и «консервативного» «фенотипов» и «генотипов», с помощью которых объяснялись якобы существующие постоянство и универсальность деления идеологического спектра на либералов и консерваторов.

Такая позиция, по мнению Э. Чарни, демонстрировала полное непонимание общественно-исторической и динамической природы политического сознания и различных его форм.

Критике подвергалась политическая ангажированность и идеологическая заданность генетических исследований. Так, утверждения о наследственности многих видов социального поведения, очевидно, должны были иметь серьезные последствия для системы правосудия, образования, государственного управления, а в более общем плане – отношение к вопросам социальной и экономической справедливости. Фактически они служили средством оправдания наличия многих социальных проблем и освобождения правящих групп от ответственности за них.

По этой причине критики генетических исследований в политике отрицательно оценивали социальные последствия ажиотажа, который создавался СМИ и публицистами вокруг них, отмечая, что журналисты, используя упрощенные положения и выводы, формируют в обществе примитивный взгляд на социальные проблемы и социальное устройство в целом.

Представители генетического направления не претендовали на окончательность полученных ими результатов и сделанных выводов. Они отмечали, что проведенные ими эмпирические исследования необходимо рассматривать как первый шаг на пути формирования нового взгляда на проблемы политического поведения.

Список литературы

1. **Alford J. R., Funk C. L., Hibbing J. R.** Are Political Orientations Genetically Transmitted? // *The American Political Science Review*. 2005. Vol. 99. No. 2.
2. **Charney E.** Genes and Ideologies // *Perspectives on Politics*. 2008. Vol. 6. No. 2.
3. **Fowler J. H., Baker L. A., Dawes C. T.** Genetic Variation in Political Participation // *American Political Science Review*. 2008. Vol. 102. No. 2.
4. **Fowler J. H., Dawes C. T.** Two Genes Predict Voter Turnout // *Journal of Politics*. 2008. Vol. 70. No. 3.
5. **Hatemi P. K., Alford J. R., Hibbing J. R. et al.** Is There a “Party” in Your Genes? // *Political Research Quarterly*. 2009. Vol. 62. No. 3.

6. **Hatemi P. K., Funk C. L., Medland S. E. et al.** Genetic and Environmental Transmission of Political Attitudes over a Life Time // Journal of Politics. 2009. Vol. 71. No. 3.
7. **Smith K., Alford J. R., Hatemi P. K. et al.** Biology, Ideology, and Epistemology: How Do We Know Political Attitudes Are Inherited and Why Should We Care? // American Journal of Political Science. 2012. Vol. 56. No. 1.
8. **Somit A.** Toward a More Biologically-Oriented Political Science: Ethology and Psychopharmacology // Midwest Journal of Political Science. 1968. Vol. 12. No. 4.
9. **Sturgis P., Read S., Hatemi P. K. et al.** A Genetic Basis for Social Trust? // Political Behavior. 2010. Vol. 32. No. 2.

GENETIC DIRECTION IN RESEARCH OF POLITICAL SOCIALIZATION

Tarasova Elena Gel'evna

*Russian State Agrarian University – Timiryazev Moscow Agricultural Academy
irina.mirosh@gmail.com*

The article deals with genetic direction in the study of political socialization. Thereby the author points out the reasons for the use by political scientists of biology and heredity as the main explanatory factors of political behavior, considers the basic ideas, which unite the supporters of genetic direction, gives some general results of their research, and notes the disadvantages of the works carried out within the framework of this prospect.

Key words and phrases: political socialization; biopolitics; behavioral genetics; policy guidelines; political behavior; ideological views.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

Автор предпринял попытку объяснить важную роль прибалтийских коммунистов в укреплении большевистской власти на территории Вятской губернии в период революции 1917 г. и гражданской войны. Методологической основой данной гипотезы послужила «пассионарная» концепция Л. Н. Гумилева. Автор, используя геополитический концепт «рубежная зона», объясняет причины значительной роли прибалтийских коммунистов в революционных событиях 1918-1919 гг. в России и в одном из ее регионов.

Ключевые слова и фразы: «рубежная зона» цивилизации; революция 1917 г. и гражданская война в России; прибалтийские коммунисты; Вятская губерния; большевистская власть.

Тимкин Юрий Николаевич, к.и.н., доцент
*Вятский государственный университет
timkin43@mail.ru*

РОЛЬ ПРИБАЛТИЙСКИХ КОММУНИСТОВ В УКРЕПЛЕНИИ ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКОВ В 1918-1919 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)[©]

Власть к Советам на Вятке перешла после приезда в ноябре – начале декабря 1917 года нескольких отрядов революционных матросов из Петрограда и активизации крайне немногочисленных местных большевиков. Они действовали активно, напористо, искусно использовали все просчеты местной демократической администрации. В последовавшей затем гражданской войне прибалтийские коммунисты сыграли важную роль.

Согласно известной теории *Л. Н. Гумилева*, в обществе имеются так называемые «пассионарии» и «субпассионарии» – люди, обладающие большим или малым количеством «пассионарности» [6]. Перефразируя строки известного произведения М. Горького, некоторые пассионарные личности в России в начале XX века выглядели как буревестники, которым нужна была революционная буря. Представители же крестьянства – субпассионарии – выглядели как пингвины, прятавшие свое тело в утесе, свою культуру от бурь. Крестьянская по ментальности Вятская губерния отличалась политической инертностью местного населения.

Известно, что с точки зрения геополитики на карте мира выделяются так называемые «рубежные зоны» цивилизаций, представленные либо культурными, экономическими границами, либо границами «суша – море» [7]. В этих рубежных территориях бывает избыток коммуникативности, или пассионарности (по *Л. Н. Гумилеву*). Там могут появляться очаги либо культурного созидания, либо культурного разрушения.

Восточное побережье Балтики отчасти обнаруживает черты рубежной зоны культуры. Сравнительно небольшая по площади, эта территория накапливала рубежную энергетику. Историческая судьба населения восточного побережья Балтики включает решение вопроса о собственной самостоятельности, а также проблему тяготения к более крупным этнокультурным центрам – либо к Западной Европе, либо к России.

В начале XX века эта проблема стала соотноситься с проблемами нарождающейся индустриальной цивилизации, и ее решение перешло в этнополитическую плоскость; все «политические беды» стали перекладываться на русских. Так происходила подмена классовых проблем этническими, их смешение. Этим